

6. Акопян Л. О. Предисловие // К. Г. Юнг о современных мифах / под ред. М. О. Оганесяна. М. : Практика, 1994. С. 3–13.
7. Элиаде М. Аспекты мифа. М. : Инвест-ППП, 1996. 240 с.
8. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М. : Акад. проект, 2008. 303 с.
9. Осокин Ю. В. Современная культурология в энциклопедических статьях. М. : КомКнига, 2007. 384 с.
10. Сиухова А. М. Этнический миф как средство сохранения этнокультурной идентичности // Философия и культура. 2016. № 8. С. 1202–1209.

11. Майданов А. С. Соотнесение мифологических и научных образов реальности как метод их взаимной интеграции // Философская мысль. 2016. № 5. С. 55–86.
12. Белкина Г. Л., Фролова М. И. Мифология века НТР // Человек. 2019. № 3. С. 181–198.
13. Гордеев П. А. Человек и миф: аспекты конструктивного понимания // Человек. 2017. № 6. С. 5–21.
14. Давыдов А. И. Психоанализ как методология исследования российской культуры. Новосибирск : Изд-во СГУПС, 2013. 195 с.

© Давыдов А. И., 2020

*Н. Г. Зенец, М. В. Чалдышкина, О. М. Кордас
N. G. Zenets, M. V. Chaldyshkina, O. M. Kordas*

УДК 130.2

Науч. спец.: 09.00.13

DOI: 10.36809/2309-9380-2020-26-11-14

ПРОВОКАТИВНОСТЬ КАК СПОСОБ СУЩЕСТВОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ В СИТУАЦИИ ПОСТМОДЕРНА

В статье рассматривается провокативность как способ существования культуры в условиях постмодерна. Провокативность культуры сравнивается с провокацией как универсальной формой обновления культуры. Авторы утверждают, что провокативность культуры постмодерна есть попытка трансгрессии и тотального обновления самой культуры. Но, поскольку провокативность направлена на нивелирование всех возможных культурных смыслов, под вопрос ставится само существование культуры. Возможный выход из сложившейся ситуации авторы видят в возвращении традиционных форм культуры как жизненного проекта каждой личности, что в условиях постмодерна можно расценить как форму провокации.

Ключевые слова: провокативность, провокация, культура, постмодерн, традиция.

PROVOCATIVENESS AS A MODE OF EXISTENCE OF CULTURE IN SITUATION OF POSTMODERNITY

The article considers provocativeness as a way of existence of culture in the context of postmodernity. Culture's provocativeness is compared to provocation as a universal form of cultural renewal. The authors argue that provocativeness of postmodern culture is an attempt at transgression and total cultural renewal. But, since provocativeness is aimed at leveling all possible cultural meanings, the existence of culture itself is questioned. The authors see a possible way out of this situation in the return of traditional forms of culture as a life project for each individual, which in postmodern conditions can be regarded as a form of provocation.

Keywords: provocativeness, provocation, culture, postmodernity, tradition.

Значения слова «провокация» сегодня вряд ли покажутся новыми, они настолько органично вошли в нашу жизнь, что стали чем-то вроде досадного недоразумения или неожиданного испытания. Но ни то, ни другое не мешает осуществляться культурному процессу. Однако следует отметить, что если провокация становится единственным способом существования, выживания, то это радикально меняет дело. Из случайного события она превращается в сущностную характерную черту бытия. К примеру, если мы скажем «дождь идет», то можем заключить, что «дождь идет и пройдет». Но если мы утверждаем, что «бытие дождится», т. е. оно в принципе «дойдет», это его сущностная черта, и нам оно открывается с этой точки зрения, видится само бытие, как оно есть.

В переводе с латинского *provocation* означает «вызов», т. е. привлечение к общению. Но только в одном значении провокативность совпадает с провокационностью — подстрекательством. Провокативным может быть что-то, не только провоцирующее, но и вызывающее, дерзкое, а еще

соблазнительное, пикантное и, наконец, побуждающее к чему-то и даже раздражающее.

Ю. М. Лотман рассматривал провокативность как один из «механизмов выработки неопределенности», обеспечивающих жизнестойкость и возможность саморазвития культуры как сверхсложной системы [1, с. 90–91].

Если традиционная официальная культура обеспечивает стабилизацию, укрепление существующего положения вещей, то в противовес ей всегда должна существовать контркультура, представленная локальными субкультурами — сектами и другими эзотерическими объединениями, коммунами хиппи, изолированными монастырями, группами «странных» артистов и художников, чья деятельность размывает границы существующих структур и противостоит им, через кризисы и конфликты порождает новое, обеспечивает неоднородность культуры, без которой она оказывается нежизнеспособной в долговременном плане. Фундаментальная социальная функция контркультуры — расшатывать культурные и личностные стереотипы и таким

образом способствовать изменению, обновлению, развитию как общества в целом, так и отдельных людей.

Говоря о провокации как о специфическом культурном приеме, важно отметить его универсальность. В мифологии различных народов, в этнографических описаниях примитивных культур мы находим архетип трикстера — комического дублера культурного героя. В его задачи входит нарушение и ломка социальных установок. К. Г. Юнг отмечал такие черты трикстера, как склонность к трансформации (физической и духовной), злобные шутки и преобразование бессмысленного в осмысленное [2, с. 267].

Античная культура знает фигуру Сократа, который использовал в своей философской практике метод анакризы. В этом приеме были объединены «способы вызывать, провоцировать слова собеседника, заставляя его высказать свое мнение, и высказать до конца... Анакриза — это провоцирование слова словом же» [3, с. 84].

Наследниками сократовской линии в античной культуре можно считать учеников Антисфена, киников. Киники восставали против социальной иерархии и установившейся системы господства и подчинения. Их главным оружием была *raghēsia* — «это то, что несколько вольно можно передать как прямота, свобода, открытость, позволяющие сказать то, что имеешь сказать, сказать так, как это сказывается, сказать тогда, когда пожелаешь, и в той форме, в которой сочтешь нужным это сделать» [4, с. 403]. Диоген полагал, что провокация может ранить чувства человека, но в конечном счете она избавляет от равнодушия и привычки, заставляет задуматься о своем поведении.

В позднее Средневековье функции провокации взял на себя карнавал и низовая народная культура. По словам М. М. Бахтина, «карнавал торжествовал как бы временное освобождение от господствующей правды и существующего строя, временную отмену всех иерархических отношений, привилегий, норм и запретов» [5, с. 15]. Терапевтическая функция карнавала состояла в снятии социального напряжения, страха через смех.

В Новое время провокация как способ обновления культуры уходит в тень. На первую позицию все настойчивее выходит традиционализм, но уже не религиозного толка, а светского — это наука. Наука претендует на истину как на собственность, быстро двигаясь к лидирующим высотам в духовном пространстве. Культура, имеющая в основании вечные ценности, наполняется фактами науки, не обращая внимание на христианские догмы, и все больше оказывается в нелепой ситуации «и нашим, и вашим». В итоге это вылилось в определенный протест против религии, который востребовал определенного рода провокацию. Такой провокацией стала философия Ф. Ницше.

Ф. Ницше своим афористичным языком будто заворачивает нас, провоцируя отказаться от привычного и проверенного, надежного и последовать за Заратустрой в неизвестность. В философии Ф. Ницше провокация становится основной формой борьбы с мертвой схемой за живую дионисийскую кровь жизни. Первое, что свидетельствует о великой ницшеанской провокации, — это, конечно, умерщвление Бога. Шокирующая ситуация погружает нас в ужас неведения и вседозволенности.

Двадцатый век пестрит провокациями. Культуру наводнили различные новаторские эксперименты в философии, искусстве, литературе. Первым движением современного искусства, извлекившим пользу из провокации, стал фовизм. За фовистами последовали кубисты, футуристы, абстракционисты, сознательно провоцировавшие публику. Провокация настолько пропитала живопись, что стала ассоциироваться с ней. В философии, как правило, такие эксперименты строились на соединении разных областей культуры: филологии и философии, языкознания и истории, психологии и искусства. Итогом таких экспериментов явились новые жанры и стили, не укладывающиеся в традиционные культурные формы.

Главным принципом провокации становится действенность, причем такая, которая может поразить, растормошить, возбудить и раздражить. Главное здесь — не оставить в покое и умиротворении. Поскольку ценность таких культурных действенных форм прямо пропорциональна силе реакции (идеальный пример — скандал), постольку растет интерес к этому способу жизни культурного объекта. Сопrotивление традиционному усиливает веру в провокацию как провозвестницу нового. Исследователь авангардной культуры А. Флакер вводит понятие эстетической провокации [6].

Сегодня провокацию можно увидеть в искусстве (акционизм), психологии (провокационная терапия Фрэнка Фаррелли), политике (игровые «монстрации» на 1 Мая, проводимые в городах России). Важным моментом, объединяющим разнообразные провокации, является искренность. Особенно актуально это в современном обществе потребления, где провокация зачастую становится формой выражения эмоций и чувств в том виде, в каком их никто не захочет или не успеет купить. Это игровая форма протеста, без которой культура теряет свою тень, пустоты для новых смыслов и пространство для саморефлексии и иронии над собой.

Таким образом, провокация как своеобразная прививка от окоснения форм культуры необходима для самой ее жизни. Это один из древнейших механизмов, выработанных культурой для решения наиболее сложных проблем управления развитием человеческой личности и социума.

Нам представляется, что лучше всего эта мысль выражена в Евангелии, главной книге христианской культуры, тоже начинавшейся с глобальной провокации: «И никто не вливает молодого вина в мехи ветхие; а иначе молодое вино прорвет мехи, и само вытечет, и мехи пропадут; но молодое вино должно вливать в мехи новые; тогда сбережется и то и другое» [Лк. 5:47–39].

Но и у провокации как универсального механизма обновления культуры есть своя тень. Нам представляется возможным назвать оборотной стороной провокации провокативность. Она появилась в культуре сравнительно недавно, но уже ощущается ее разрушительное действие, поскольку провокация хороша в малых дозах. Когда она становится провокативностью, культура обретает новый для себя способ существования.

На наш взгляд, провокативность стала формой существования культуры постмодерна. Термин этот вызывает множество споров и дискуссий, но ясно одно: культура переживает состояние, где одинаково обесценено прошлое и настоящее,

причудливо переплетаясь, порождая своеобразные «кентаврские» формы, подчас пугающие, но в большей степени провоцирующие, эпатажные и шокирующие.

Приставка «пост-» в культуре постмодерна указывает на постмодерн как ситуацию после. Если все предыдущие культурные эпохи формировались вокруг смыслового центра, то постмодерн сознательно отказался от всех метанарративов (Ж.-Ф. Лиотар), как ведущих к тоталитаризму, его пафос — в нивелировании ценностей. Рационализм, сциентизм, антропоцентризм, возможность абсолютной свободы личности, экономическое освобождение, исторический прогресс, коммунизм, христианское спасение и гегелевский абсолютный дух — вот далеко не полный список идей, которые постмодерн подверг критике. Что же постмодерн предложил вместо метанарративов?

Один из известнейших теоретиков постмодерна Ж.-Ф. Лиотар определяет его как особое мироощущение современной эпохи. «Из этого определения очевидно, что постмодерну отказано в рациональности, так как речь идет только о чувствовании и ощущении» [7, с. 102]. Не имея метанарратива, постмодерн отстаивает игровой характер культуры и игру как принцип построения реальности [8, с. 95]. Не случайно ярким выражением духа постмодерна в культуре является так называемое пастафарианство, или религия «летающего макаронного монстра». Постулаты этой пародийной религии явно отсылают к христианским заповедям и с помощью игрового принципа доводят их до абсурда. Интересно, что пастафарианство возникло как протест после того, как в штате Канзас предложили ввести в школьный курс концепцию «разумного замысла» вместо эволюционной теории.

Таким образом, провокация в культуре постмодерна становится формой существования, войной против смысла и бесконечной игрой. Но к чему эта игра может привести? Когда постмодерн только начинался, его пафос был в тотальном обновлении культуры. Приставка «пост-» означает не только ситуацию после, но и заявку на выход за все существовавшие ранее пределы культуры. Это попытка трансгрессии, которая начиналась с провокации как попытки тотального обновления мира культуры, который безнадежно устарел. Перед постмодерном стояла грандиозная задача деконструкции культуры, с которой он успешно справился: «...зеркало культуры разбито и валяется у ног человечества» [9, с. 11]. Но за разрушением старых форм не последовало создания новых. И, на наш взгляд, это произошло не только потому, что мир культуры исписан смыслами.

«Стерильность» постмодерна оправдана его задачами в культуре. Если постмодерн — это постоянный выход за пределы наличного, результатом его движения за пределы наличного бытия становится тот ноль, к которому стремится бесконечность. И в этом смысле постмодерн — это та тотальная ситуация в культуре, в которой мы бесконечно будем стремиться к абсолютному нулю смыслового поля культуры. Эпоха постмодерна, смешавшая в себе возможные и невозможные противоречия, породившая брожение умов и чувств, с одной стороны, и скуку, пресность от повторяющегося, уже имеющего место — с другой, не могла найти иной способ существования, чем провокативность. Именно

провокативность искусственно поддерживает жизнь культуры как аппарат, заменяющий жизненно важный орган.

Интересно, что попытки реанимировать культуру средствами постмодерна, с помощью игры в традиционные культурные формы (например, неоязычество) не срабатывают, поскольку, утратив культуру как форму обращения к абсолюту, мы утратили и символическое содержание традиции. Сама попытка реанимации становится провокационным жестом и иногда вызывает ужас. В книге «Топологическая рефлексия» В. С. Савчук говорит о крови в культуре, ее символическом значении и сравнивает две жертвы: жертву ритуальную и жертву террористическую. Если первая наделена смыслом, празднична, жизнотворна и конкретна, вторая — жертва террористов — имперсональна и разрушительна, поскольку взрывает смысловой контекст культуры, ничего не предлагая взамен [10]. Возникает вопрос: есть ли выход из ситуации постмодерна и, если есть, каким он может быть?

М. Хайдеггер определял культуру как про-из-ведение, как чувственное свечение идеи: «*про* (в продвижении к присутствию) *из* (из потаенности) *ведение*» [11, с. 242–243]. Чтобы про-из-ведение культуры случилось, необходимо личное усилие человека. Не только культура человекообразна, человек в той же степени культурообразен. Поэтому открытость человека смыслам и ценностям культуры делает культуру экзистенциально наполненной, а человека способным удерживать собой ее ценностное содержание.

Здесь культура существует как объективация тех условий, «при которых конечное в пространстве и времени существо (например, человек) может осмысленно совершать на опыте акты познания, морального действия, оценки... Это означает, что в мире реализуются условия, при которых указанные акты вообще имеют смысл» [12, с. 70]. Поскольку внутреннее пространство культуры конституируется на основе «значений» и «смысла», внешнее пространство культуры создается благодаря активности человека, здесь человеческая деятельность проявляет себя как первичная форма культуры, как «беспокойство духа», находящее свое успокоение в создании разнообразных культурных форм.

В ситуации постмодерна такой культурной формой может быть и жизнь человека, когда «всякое человеческое действие — свадебный обряд, спортивное соревнование, поэзия, философия, танец — это участие, угадывание вселенского события, события мира» [13, с. 196]. Тогда культура как «про-из-ведение» может стать жизненным проектом отдельного человека, его личной провокацией, для которой уже не обязательны такие приемы, как эпатаж и провокативность. Так как, говоря языком М. М. Бахтина, «в культуре нет ничего абсолютно мертвого» [14, с. 373], жизненным проектом может быть и обращение к традиционным формам культуры, таким как религия, классическое искусство, ремесло или научное познание.

1. Лотман Ю. М. Непредсказуемые механизмы культуры. Таллин : TLUPress, 2010. 232 с.

2. Юнг К. Г. О психологии образа Трикстера // Трикстер: исследование мифов североамериканских индейцев

с коммент. К. Г. Юнга и К. К. Кереньи. СПб. : Евразия, 1999. С. 265–286.

3. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М. М. Собр. соч. : в 7 т. М. : Рус. словари: Языки славянской культуры, 2002. Т. 6. С. 7–300.

4. Фуко М. Герменевтика субъекта. СПб. : Наука, 2007. 677 с.

5. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М. : Худож. лит., 1990. 543 с.

6. Флакер А. Эстетический вызов и эстетическая провокация // Живописная литература и литературная живопись. М., 2008. С. 88–99.

7. Лиотар Ж.-Ф. Ответ на вопрос: что такое постмодерн? // Общественные науки за рубежом. Сер. 3. 1992. № 5–6. С. 102–114.

8. Терещенко Н. А., Шатунова Т. М. Постмодерн как ситуация философствования. СПб. : Алетейя, 2003. 198 с.

9. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб. : Алетейя, 1998. 160 с.

10. Савчук В. С. Топологическая рефлексия. М. : Канон+: Реабилитация, 2012. 421 с.

11. Хайдеггер М. Наука и осмысление // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М. : Республика, 1993. С. 238–253.

12. Мамардашвили М. К. Сознание и цивилизация. СПб. : Азбука-Аттикус, 2011. 288 с.

13. Бибихин В. В. Лес. СПб. : Наука, 2011. 425 с.

14. Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. С. 361–373.

© Зенец Н. Г., Чалдышкина М. В., Кордас О. М., 2020

УДК 130.2+569.96

Науч. спец.: 09.00.13

DOI: 10.36809/2309-9380-2020-26-14-18

Б. Ю. Кассал

B. Yu. Kassal

ОХОТА НА МАМОНТА КАК ЛЕГЕНДА КУЛЬТУРЫ

Автор статьи отмечает, что в истории культуры охота на мамонтов существует как одна из разновидностей легенд о золотом веке. Романтизация охотничьего промысла, первобытного образа жизни мало связана с реальными условиями существования первобытного человека. Однако в культуре и искусстве устойчиво закрепились именно эта идеализированная версия.

Ключевые слова: охота на мамонтов, плейстоцен, способы охоты, золотой век.

MAMMOTH HUNT AS A LEGEND OF CULTURE

The author of the article notes that in the history of culture, hunting for mammoths exists as one of the varieties of legends about the Golden Age. The romanticization of hunting, of a primitive way of life has little to do with the real conditions of existence of a primitive man. However, this idealized version has steadily entrenched in culture and art.

Keywords: mammoth hunt, Pleistocene, hunting methods, the Golden Age.

У всех народов существует легенда о золотом веке как о безмятежном и счастливом существовании первобытных народов, живущих в гармонии с природой и социумом. Знание о тяготах первобытной жизни, безусловно, также существовало, но в этих двойственных представлениях о прошлом в культуре всегда побеждала легенда. Идеализация «естественного состояния» первобытного человека привела к появлению в европейской науке и философии представлений о «благородном дикаре», чья жизнь непротиворечиво следует законам природы. Эти представления есть у М. Монтеня, Ж.-Ж. Руссо, Д. Дидро и ряда других философов-просветителей. Сложности цивилизации порождают тоску по кажущейся простоте и понятности существования, романтизируют повседневность первобытных охотников. Тяготы, лишения, голод, жестокость и грязь, связанные с охотой, забылись, а воспоминания об изобилии пищи в случае удачной охоты сохранились.

Почему романтизируется только охота, а не собирательство (и сложившийся на его основе земледельческий труд)? Это объясняется достаточно просто. Во времена

охотничьей культуры труд не обособляется от других сторон жизни человека и общества. Добыча сразу же употребляется в пищу. Вознаграждение не отложено во времени. В земледелии потреблению пищи предшествует долгий период изнурительной работы, плоды труда отделяются от действий большим промежутком времени, никакого охотничьего азарта в этих действиях нет. Обеспечение пищей более вероятно при земледелии, чем в случае охотничьей добычи, но изобильных пиров не предвидится. Не случайно именно земледелие ввело в общественное сознание само понятие «труд», условие его реализации — библейское добывание хлеба в поте лица своего [1, с. 61].

Безусловно, охотничья легенда базируется на вполне определенных материальных и природных условиях человеческого существования. В данном случае это период в развитии человека, когда он начал отличать себя от животных, производя необходимые средства к жизни, используя орудия производства, определенный способ деятельности [2, с. 19]. Именно на этом фундаменте возникла одна из самых ярких легенд культуры.